

Виктор Окорков

ИСТОРИЯ МЫСЛИ КАК МЫШЛЕНИЕ ОБ ИСТОРИИ БЫТИЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

Проводиться феноменологічний аналіз історії буття як історії становлення мислення та істини (на прикладі творчості М. Гайдегера), у якій розкриваються глобальні періоди формування сутності людини як форми співвідношення буття та часу (у його різних варіаціях).

Ключові слова: буття, мислення, історія, істина.

Проводится феноменологический анализ истории бытия как истории становления мышления и истины (на примере творчества М. Хайдеггера), в которой раскрываются глобальные периоды формирования сущности человека как формы соотношения бытия и времени (в его различных вариациях).

Ключевые слова: бытие, мышление, история, истина.

The phenomenological analysis of history of life as histories of becoming of thinking and true is carried out by the example of M. Heidegger's creativity. It is considered the global periods of formation of essence of the person as forms of interrelation of being and time (in its various variations).

Key words: life, thinking, a history, true.

Длительное время европейская культура мышления основывалась на фрагментарном (сущностном) видении действительности. Со времен Парменида путь совпадения бытия и мышления указывал, что все существующее есть (и оно истинно), а не сущего нет. То, что мы видим перед собой в настоящее время (как в объектив), есть сущее, которое есть. Это «есть» измерялось по принадлежности к настоящему. Сознание, по версии Парменида, всегда сфокусировано на настоящем и именно в таком контексте совпадает с его бытием. Фокус действительности полностью адекватен фокусу сознания. Времени в таком онтологическом мире нет и нет изменений (становления). Человек живет в царстве истины. Путь Парменида вводил в мир абсолютного настоящего. «Анаксимандр, Парменид и Гераклит, – пишет Хайдеггер, – единственные начальные мыслители <...> Они <...> открывают и начинают западное мышление, потому что мыслят начало» [6, с. 26–27]. Они мыслят начало так, как оно дано в объективной данности (еще не прикрытой метафизикой и науками), то есть раскрывают его в том первичном состоянии, в котором оно дано западному человеку изначально. Европейский человек вслед за древним греком пошел по пути Парменида и оказался в ловушке самодостаточности разума.

В XX в. Хайдеггер, раскрывая произошедшие перемены культуры, показал различие западного мышления и мифологического. Намного раньше М. Фуко он фактически рассматривает мышление как археолог, кото-

рый вскрывает один древний пласт мышления за другим и дает каждому пласту свое историческое и культурное имя. В таком новом подходе он вскрывает только одну историю становления европейского мышления (и европейской метафизики). Ведь факт возможности иного (доисторического) образования мышления не выяснен, независимо от того способа, каким мышление появилась на Земле первоначально. Сознание в новой интерпретации превращается в исторический архив, по типу К.-Г.Юнга, в котором слои выстраиваются исторически. Каждый слой раскрывает свою эпоху мышления. Однако добраться до более ранних слоев в настоящее время очень затруднительно, ведь мышление способно видеть себя лишь в модусе настоящего и, в лучшем случае, может опираться на имеющуюся память. Представляя сознание в модусе настоящего, Бергсон выделил два его состояния – длительность и одновременность (память). Видимо сюда нужно добавить статический разум (мышление в настоящем).

Однако историческая память практически полностью находится на уровне бессознательного и не может восприниматься в зоне настоящего. Восприятие истории становится ахиллесовой пятой современных представлений о сущности сознания. Классическая история воспринималась европейским человеком лишь как дискретная система (последовательность) знаковых (значащих) событий, то есть как память предков. И это говорит о преемственности, связывающей европейское мышление с родовым (за одним отличием, европейская история включала родовую и сопровождалась археологическими открытиями, которые для древних имели лишь сакральный смысл и не воспринимались как наука).

О событиях в истории мы судим по его знаку и значимости. Чем значимей событие, тем более длительную память оно способно вызывать. История раскрывалась как память прошлого. В целом классическое европейское мышление обнаруживало лишь один слой, связанный с настоящим, а все остальное рассматривало как память, знающую прошлое в информативном образе как систему дискретных событий. История не знала смыслов, и эти смыслы ей предписывались настоящим. По сути, европейское мышление было выстроено по одному знаковому событию – рождению Христа. Первую брешь в таком чисто нарративном видении истории сделал Августин, который рассматривая роль времени для сознания (и истории для общества) обнаружил длительность мышления (и истории). Эта фактичность длящегося мышления была названа переживанием. По аналогии, и история теперь могла раскрываться как нечто длящееся для сознания (как длительность и связность). Тем не менее, это дление мышления в классическую эпоху логоцентризма себя практически не проявляло. Сознание рассматривалась в своем единстве как цельная

конструкция, называемая разумом. Разумность ассоциировалась с охватом единства мира из одной точки – точки присутствия логического мышления. А однотипность такого процесса для различных людей древние греки называли логосом, который был отождествлен с абсолютной формальной творческой деятельностью демиурга.

В эпоху абсолютного бытия логоса не было никакой истории. Бытие (и соответствующий путь бытия) Парменид раскрыл как дар Богов, точнее, богини. Мир проявлялся в сознании как несокрытое, а всякое сокрытие воспринималось не как свойство мышления, а как божественный признак нашего происхождения. И если человек мог говорить об абсолютной полноте проявления сокрытого, то есть видел объект в его полноте, то в этом случае такого рода полноту он называл сущностью, или в высоком идеальном смысле истиной (образцом). «Мыслить истинное значит постичь его в его существе» [6, с. 14]. Такое сущностное мышление Хайдеггер назвал судьбой западноевропейской культуры. Он утверждал, что с момента своего происхождения в Древней Греции оно насчитывает две с половиною тысячи лет [6, с. 14]. Эту эпоху классического мышления можно интерпретировать как падение, а сам способ провала в сущностную бездну бытия падающего мышления была названа Ницше нигилизмом, так как конечной фазой этой эпохи становится нигилистический способ понимания существа мира. «Нигилизм есть сама история сущего, когда медленно, но неудержимо выходит на свет смерть христианского Бога... Нигилизм есть приходящая к господству истина о том, что все прежние цели сущего пошатнулись» [4, с. 88–89]. В нигилистической сфере бытия европейского человека постоянно сталкиваются два потока – ниспадение духа (духовности) и рост знания (рациональности) и власти. Критическую точку истории столкновения этих потоков Ницше назвал «смертью Бога». В этой точке проявилась главная черта нового человека, которую Ницше назвал «волей к власти». Хайдеггер, характеризуя в «Европейском нигилизме» второй поток, писал: «Всякая власть есть власть лишь потому и до тех пор, пока она больше власть, то есть возрастание власти» [4, с. 90].

Концентрация власти и воля к власти есть подлинная сущность новоевропейской действительности. «Воля к власти есть <...> обозначение основной черты сущего и существа власти» [4, с. 90]. Мышление все еще чувствует себя состоявшимся только в том случае, если оно участвует в процессе роста знания. Позитивизм становится отправной точкой европейского сознания XIX в. «Римская сущность истины – владычествование... Новоевропейская сущность истины определяется в ракурсе достоверности, правильности, праведности и справедливости» [6, с. 118]. Воля к власти трансформируется в волю к знанию (точному и достоверному).

Хайдеггер выстраивает линию преобразования человека греческого (ищущего путь к бытию и истине) через человека римского (выстраивающему бытие на основе закона) к сверхчеловеку (бытийствующему посредством воли к власти) и, наконец, человеку научному (позитивному).

Но позитивизм (и оформленная в новом ключе социология) есть лишь исток, видение формы бытия нового мышления как одной из директивных линий становления его существа. Одновременно раскрывается и вторая линия – жизни, которую пробудил один из реформаторов современности Ф. Ницше. «Когда Ницше сам подчеркивает, что бытие в качестве «жизни» есть по сути становление, то под этим грубым понятием «становление» он подразумевает не бесконечное поступательное движение к неизвестной цели <...>. Вечное возвращение того же самого служит вместе с тем наиболее заостренным истолкованием «классического нигилизма» [4, с. 82]. Вечное возвращение – это вместе с тем опора на себе подобное в каждый последующий момент, – поэтому это одновременно и рост этой опоры (что грубо можно назвать становлением человека), и в то же время отход от истоков духовного бытия (от основ жизни), то есть падение, – чистый нигилизм. В таком становлении и формируется феномен власти – чисто человеческий атрибут понимания сущности бытия в обществе.

Бытие в обществе подменяет, вытесняет бытие в себе, формирует социальный призрак истории как необходимую нить бытия человека. В нигилистическом мышлении феномен общества вытесняет признак духовности. Общество формирует феноменологию власти, в том аспекте, в котором человеческое сознание занимает подчиненную нишу, вытесняется волей (к власти) на периферию психики. Разум отождествляет себя с бессознательной волей и превращается в дополнение к прошлому, пассивным феноменом предшествующей традиции. И вопрос стоит о пробуждении мышления. Пробуждение Заратустры возвестило пробуждение воли к власти, власть (темной) воли. «Сверхчеловек» – это прежде всего историко-метафизическое понятие, которое означает прежнего человека, перешедшего в сущностную сферу воли к власти <...> как действительности всего действительного» [6, с. 153]. Перефразируя Заратустру, можно добавить: воля к власти умерла, мы же хотим, чтобы произошло пробуждение сознания человека. Сознание дремало в эпоху мифологем и религиологем, оно подчини-лось и науке, которую на конечном этапе связали с волей к власти. Все это время подлинное сознание дремало, а история раскрывалась как миф или нарратив. И не Ницше, а Хайдеггер возвестил о пробуждении сознания. Ницше возвестил о прошлом, о пробуждении «почвенничества» в человеке (низкого земного начала, которое должно возвыситься до уровня бытия

человека). Вслед за Гельдерлином Хайдеггер ратовал за возвышение природного начала в человеке. Власть природы, которая даже выше воли Богов, – это возврат к ранним грекам, который тем не менее возвестил о возвышении земного (низменного, темного и природного) начала в человека, того архе, который у Фрейда превратилось в «зов глубин» (зов сексуальности), так как пробуждение этого «зова» идет от темного начала жизни.

Если в классическую эпоху главным объектом игры истин являлась природа, и человек стремился понять сущность вещей, то в неклассическую эпоху (в трактовке А. Дугина, постфилософскую [1]) сущим стал сам человек, и объектом пристального внимания мышления становится его бытие. Та древняя несокрытость, которая приоткрывала истинную сущность природы в Древней Греции, теперь становится «печатью», признаком проявленности самого человека. Homo sapiens перестает быть homo natural и homo religious и становится homo vital. Жизнь становится предметом рассмотрения.

Предмет классики – абсолютная несокрытость как истина (как образец бытия вещи, ее идея), предмет неклассического мышления – нарушение абсолютности и обнаружение слоев мышления при рассмотрении бытия человека. Но может ли несокрытость, являющаяся абсолютной, делать предмет абсолютно прозрачным, абсолютно открытым; существует ли абсолютная несокрытость в природе (по аналогии с физическим принципом абсолютно черного (непрозрачного) тела)? Как выяснилось в физике, даже абсолютно черное тело имеет спектр своего излучения. Логично предположить, что и человек не может быть абсолютно непрозрачным. Жизнь (бытие) человека и его история всегда высвечивается в определенном спектре. Феноменология и есть когнитивная оптика, которая настраивает наш взор и определяет спектр мышления и сознания. Гуссерль разработал аппарат (механизм) этой оптики. Хайдеггер сформулировал главную идею феноменологической оптики, точнее, направил наш взор: «Живое» есть (природное), то есть сущее, бытие которого определяется через φύσις, восхождение и саморазмыкание» [6, с. 152].

Необходимо отметить одну особенность современного видения европейской мысли. Хайдеггер отмечал: «Мысли мыслителя ранга Ницше – отголосок еще не познанной истории бытия в слове, которое исторический человек говорит на его, бытия, языке» [4, с. 95]. Слово бытия – это то, чего не может подменить ни мифология, ни воля к власти, ни наука. Оно проходит через все формы исторического самораскрывания человека в своем неизменном виде, однако видится человеком как Слово Божие в разные исторические эпохи по-разному. Феномен исторической несамостождественности Слова бытия раскрыл Ницше.

И человек, и его истина, и его история в сущностном спектре раскрываются как несокрытое. Высвеченные в разных аспектах бытия, они распадаются на фрагменты. В лучшем случае удастся увидеть археологию человека (если удастся провести исторический срез сознания), в худшем – утрачивается центр его бытия (то, что исторически называлось душой) и человек по аналогии с распавшимся социальным пространством детерриториализируется. Истинность человека как несокрытость становится его злым роком.

Но бытие изначально отдает себя в слово [6, с. 168]. Слово – это то, что высказывается о бытии, и в то же время то, что закрывает бытие. «...первое начало бытийной истории Запада, – по мнению Хайдеггера, – стоит под знаком «Бытие и слово»... У Платона и Аристотеля, которые сказывают исток метафизики, слово превращается в λόγος в смысле высказывания» [6, с. 169]. В ходе развития метафизики это высказывание становится *ratio*, разумом и духом. «Метафизика Запада, бытийная история истины сущего как такового в целом, которая приносит себя в слово в мышлении от Платона до Ницше, стоит под знаком «Бытие и *ratio*» [6, с. 169]. И только в эту эпоху, считает Хайдеггер, появляется иррациональное, а вслед за ним переживание. В таком аспекте иррациональное может восприниматься только как длящееся и в таком качестве недоступное мышлению. Но только та мысль, которая схватывает бытие не как слово, а как дление и время, превращается в переживание. Поэтому иррациональное – это не то, что становится антитезой разуму, не то, что воспринимается как негативное в познании, а то, что является характеристикой того, что не воспринимается как разумное, не воспринимается словом, так как имеет длительность, длится. Христианское «в начале было слово» есть лишь признак первичности абсолютного начала в познании, так как слово как форма бытия в чистом виде не выразимо, оно может быть эксплицировано только на языке смыслов и значений. А если где-то до слова и существовал призрак истины, то в том аспекте, что было реальное хранилище духовных образов различных форм, которые можно применить к последующей (становящейся) действительности.

Но Хайдеггер стремится избавиться от иллюзии мира без бытия и истории; он пытается связать всю европейскую историю посредством имеющегося понятийного аппарата. «Смысл <...> истории есть сущность истины, в которой остается утвержденным то или иное истинное» [6, с. 128]. Истина рождается во времени, и вместе с ней рождается история. И только тогда, когда мысль готова воспринять то или иное событие как начало истории, рождается история этого события, а вместе с тем и история воспринимаемого мышлением как таковым мира. Как показывает

Хайдеггер, истории без воспринимающего мышления, как и бытия без его понимания попросту не существует. Хайдеггер все время подводит под основание становящегося мира антропологические понятия. Тот мир, который мы знаем, имеет антропологические характеристики.

Совершенно логично, что третьей фазой европейского мышления становится время. «В третьем титуле, а именно в «Бытии и времени», время – это не сосчитанное время часов и не время «переживания», как его понимает Бергсон и др. <...> время – именование более искомой сущности *ἀλθεια* <...>, оно называет бытийную основу для Ratio <...>. Время в «Бытии и времени» предстает как именование изначальности основы слова <...> время <...> более исконное начало» [6, с. 160, 170]. Время рассматривается Хайдеггером не как физическая единица соизмерения событий и даже не как основа современной сущности мышления (переживание), время рассматривается у него как первооснова всякого понимания и понятия, как то, из чего оно произрастают, становятся. В таком смысле основой и бытия, и слова, и мышления становится дление. Но как об этой внутренней изнанке бытия и мышления можно знать, Хайдеггер лишь догадывается: если бытие рождается из горизонта времени и горизонта сущего (истины), если мышление рождается из взаимообусловленности бытия и понимания, то первичным фактором формирования форм может быть только длящееся и оформленное время. Хайдеггер воспринимает бытие как время. Наверное, здесь истоки и большинства имеющихся онтологий мышления: Пифагора и Канта (время как число), Сократа (время как понятие) и т. д. Пытаясь выразить такую неизъяснимую природу бытия, Хайдеггер подводит мышление к крайнему выражению: «Бытие – это не почва, не основа, а нечто без-основное» [6, с. 323–324]. Вместе с тем, оно проявляет себя посредством единственного сущего, того, которое именуется немецким философом «человек». «Бытие – *ιδέα* – есть то, что показывает себя во всем сущем и что проглядывает из него этого сущего, благодаря чему сущее вообще постигается человеком как некое сущее» [6, с. 227]. Человек обладает даром видеть сущее, но он обладает и даром понимать бытие, то есть сквозь застывшие формы сущего проглядывает бытие. Для человека бытие раскрывается в другой форме. «<...> греки <...> говорят и о беседе «души» с самой собой (*λογος*), подчеркивая, что сущность человека выражается в обладании словом» [6, с. 327].

У Хайдеггера речь идет о человеке как первичной возможности познания. Ибо все то, что раскрывается для нас в окружающем мире, становится предметом познания благодаря многочисленным «дарам» человека. К ним Хайдеггер относит и постижение бытия (в «Бытии и

времени» [2]), и восприятие времени (во «Времени и бытии» [3]), и наличие мышления (в «Что зовется мышлением» [7]). При этом Хайдеггер избегает сложившихся в классической культуре и скомпрометировавших себя в постклассической философии терминов – разум и душа. Возможно в связи с неадекватностью понятий бытие человека и разум (или душа).

С другой стороны, мир дается сознанию через бытие или раскрытие свободы на поверхности истины. Хайдеггер постоянно возвращает нас к единству, без которого нет ни истины, ни бытия. «Сущность истины, – утверждает он, – это <...> скрытая единичность прошлой истории раскрытия «смысла» того, что мы называем бытием и о чем с давних пор привыкли думать только как о сущем в целом» [5, с. 26]. История раскрывает флуктуации бытия, которые как единство мышления обретают плоть истины. Иными словами, поступь истории – это поступь вырванных у бытия смыслов, именуемых истиной. В таком подходе высвечивает иной (второй) путь постижения истории – как истории становления и непрерывного изменения смыслов. Очевидно, что становление истины, которая открывает путь истории, бессмысленно до той границы, в которой уже проявляется новый (в связи с новой истиной) смысл истории. Истина и смысл – два равноправных спутника истории, которые освещают ее своим светом. Но так как оба эти понятия связаны с мышлением, то мы приходим к важной проблеме понимания истории, которую можно именовать «бытие и мышление». Становится ли мышление еще одной формой постижения бытия и в таком контексте еще одной формой проявления истории – вопрос, вполне актуальный для эпохи становления постфилософии. Феноменологически и бытие, и мышление связаны со временем и историей. Значит ли это, что история мысли может быть формально раскрыта как история бытия? К такому выводу нас подводит феноменология М. Хайдеггера, которая высказывает сущность истории бытия человека как сущность формирования представлений о мышлении и времени.

1. Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли.– М.: Евразийское Движение, 2009.– 744 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время.– СПб.: Наука, 2006.– 452 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие // М. Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления.– СПб.: Наука, 2007.– С. 541–563.
4. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // М. Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления.– СПб.: Наука, 2007.– С. 87–245.
5. Хайдеггер М. О сущности истины // М. Хайдеггер. Разговор на проселочной дороге.– М.: Высш. шк., 1991 – С.8–27.
6. Хайдеггер М. Парменид.– СПб.: Владимир Даль, 2009.– 384 с.
7. Хайдеггер М. Что зовется мышлением?– М.: Территория будущего, 2006.– 320 с.